
ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 323 (571. 1/5)

DOI: 10.14258/SSI(2022)3-01

«Поворот на Восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор

Елена Анатольевна Ерохина

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, eroh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>

Аннотация. Смена целевых ориентиров внешней политики ставит вопрос о «повороте на Восток», который требует переоценки роли сибирского макрорегиона во внутренней геополитике. Ведущими долгосрочными факторами преодоления геополитических рисков, влияющих на стабильное развитие российского общества и качественную трансформацию его институтов, являются гармонизация мобилизационной и инновационной составляющих модернизации и успех интеграционных проектов на евразийском пространстве. Основные выводы исследования заключаются в констатации необходимости (1) поддержки со стороны государства развития инновационных процессов, позволяющих нивелировать диспропорции регионального развития и усилить потенциал технологического суверенитета РФ (кейс проекта «Академгородок 2.0»), и (2) переориентации на трансграничное сотрудничество в рамках интеграционных проектов (кейс «Большой Евразии»). Повышение статуса Сибири в стратегическом планировании оказывается, таким образом, составной частью рефлексии «поворота на Восток».

Ключевые слова: внутренняя геополитика России, евразийская интеграция, технологический суверенитет, безопасность, Сибирь

Финансирование: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных научных исследований в РФ, плановый научно-исследовательский проект «Трансформация современного российского общества в евразийском социокультурном пространстве: институты, сообщества, индивиды».

Для цитирования: Ерохина Е.А. «Поворот на Восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 3. С. 13–25. doi: 10.14258/ssi(2022)3-01.

«Turn to the East» and Trends of Modern Regional Development: Siberian Vector

Elena A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia, eroh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>

Abstract. The change in foreign policy targets raises the question of a “turn to the East,” which requires a reassessment of the role of the Siberian macroregion in domestic geopolitics. The leading long-term factors in overcoming geopolitical risks affecting the stable development of Russian society and the qualitative transformation of its institutions are the harmonization of the mobilization and innovation components of modernization and the success of integration projects in the Eurasian space. The main conclusions of the study are ascertaining the need for (1) state support for the development of innovative processes that allow leveling the disproportions of regional development and strengthening the potential of the technological sovereignty of the Russian Federation (case study of the Academgorodok 2.0 project), and (2) reorientation to cross-border cooperation within the framework of integration projects (case of «Greater Eurasia»). Raising the status of Siberia in strategic planning thus turns out to be an integral part of the reflection of the «turn to the East».

Keywords: Russian internal geopolitics, Eurasian integration, technological sovereignty, security, Siberia

Financial Support: the study was carried out within the framework of the Program for Fundamental Scientific Research in the Russian Federation, a planned research project «Transformation of modern Russian society in the Eurasian socio-cultural space: institutions, communities, individuals».

For citation: Erokhina, E. A. (2022). «Turn to the East» and Trends of Modern Regional Development: Siberian Vector. *Society and Security Insights*, 5(3), 13–25. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)3-01.

Введение

Внешнеполитический и внутрисибирский социальный контекст, в котором развивалась Россия после распада СССР, ориентировал на особое развитие фронтальных регионов, в которых соприкасались зоны интересов РФ с государствами, являющимися составной частью иных цивилизаций. Одним из первых на эту особенность структуры внутренней геополитики России обратил внимание В.Л. Цымбурский (1999: 154). Необходимо отметить, что в течение 30 пост-

советских лет российская власть усиленно развивала именно «фланговые» регионы страны. Хотя достигнутые результаты и являются скромными, некоторых успехов добиться удалось. На условном «европейском» направлении были реализованы проекты по развитию субъектов северо-западного региона, имеющих выход в Балтику. Ленинградская область получила импульс в развитии благодаря строительству крупного порта в Усть-Луге и интегрированных с ним объектов транспортной инфраструктуры. Калининградская область стала одним из ведущих туристических кластеров РФ. Зимняя Олимпиада-2014 в Сочи способствовала развитию инфраструктурных объектов на Черноморском побережье Кавказа. После вхождения в состав России Крыма юго-западные регионы РФ становятся «витриной» на ее средиземноморском и ближневосточном направлениях. Саммит АТЭС-2012 во Владивостоке придал некоторое ускорение развитию Приморского края. Наконец, возвращение России в Арктику создало предпосылки для усиления северо-восточного фланга.

Косвенным показателем этой тенденции является и повышение интереса к определенным научным концепциям в академическом пространстве. Так, например, в гуманитарной науке постсоветского периода переживала расцвет теория фронта, особенно в исследованиях, посвященных региональным проблемам (Замятина, 1998; Резун, Шиловский, 2005; Приходько, 2007).

Такой порядок вещей был обусловлен желанием страны встроиться в сложившийся на рубеже XX и XXI вв. миропорядок, найти свое место в международном разделении труда, а для российской науки еще и встроиться в мировую науку, преимущественно англоязычную, освоить ее научный язык и концептосферу, а также институты коммуникации. Среди внутренних проблем, диктующих геополитическую повестку, наиболее острыми оставались проблемы демографического «сжатия» и стремления избежать локальных конфликтов на постсоветском пространстве.

Пандемия COVID-19 и начало СВО РФ на Украине в 2022 г. завершили 30-летний постсоветский цикл. Некоторые риски, например риск непомерного демографического сжатия, были купированы более или менее удовлетворительно. Однако избежать локальных войн не удалось. Конфликт на Украине поставил Россию на грань разрыва со структурами евроатлантической цивилизации, которая в течение пяти веков оставалась образцом для заимствования в сфере культуры, политики, технологий. Этот необратимый процесс ведет к переформатированию существующего миропорядка, что в моменте затрудняет адекватный прогноз развития противонаправленных тенденций, как краткосрочных, так и долгосрочных.

Тем не менее такой прогноз необходим, особенно в контексте задач регионального развития. В дискурсивном пространстве «поворота на Восток» часть элит вновь ищет «значимого другого», на этот раз полагая, что в этом качестве будет выступать Китай. Следуя академической традиции региональных исследований, идущих от Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, мы полагаем, что таким «значимым другим» должен стать «внутренний» Восток: Урал, Сибирь, Север, Дальний Восток (Потанин, 1995; Ремнев, 2011; Родигина, 2006; Эткин, Уффельман, Кукулин, 2013; Ядринцев, 1989).

Методология исследования

Традиционная недооценка сибирского и дальневосточного потенциала сформировала двойственное отношение к Сибири: и как к «месту силы», и как к «зоне, месту каторги и ссылки». С XVII в. сибирский макрорегион воспринимается правящей элитой страны как ее периферия, притом что на протяжении столетий он постепенно принимал на себя все больше новых, непровинциальных функций (Ерохина, 2012: 395–396). Стоит отметить и цикличность российской геополитики, в которой чередуются, как отмечал Цымбурский, фазы «похищения Европы», активности в балто-черноморском регионе с евразийскими интермедиями, с интересом к развитию внутреннего геополитического пространства (Цымбурский, 1993).

В уже упомянутой концепции Цымбурского, положения которой служат методологическим основанием для нашего анализа внутренней геополитики России, значительное внимание уделяется ее урало-сибирской парадоксальной сердцевине. Сам автор «островной» концепции внутренней геополитики называет Сибирь «Второй Великороссией», подчеркивая ее равнозначный статус с историческим, находящимся на Восточно-Европейской равнине, ядром России. Он обратил внимание на то, как Сибирь превратилась во внутренний регион России в результате двух «евразийских интермедий»: пореформенной и раннесоветской.

Парадоксальность сибирского макрорегиона, на которую мы хотим обратить внимание в данной статье, заключается в следующем: оставаясь внутренним регионом, Сибирь в то же время оказывается трансграничным пространством как минимум в двух отношениях. Во-первых, ее территории напрямую граничат со странами Центральной Азии, а через них — с государствами, принадлежащими иным цивилизациям: Средиземноморью, Ближнему Востоку, Индии, Китаю, кочевому миру. Во-вторых, выход в Арктику обеспечивает Россию доступом к циркумполярному региону, что делает неизбежным контакт со странами евроатлантической цивилизации в этом стратегическом для всего мира пространстве, а значит, невозможной и полную дивергенцию России и Европы.

Введенные по отношению к России рестрикции поставили под сомнение успехи глобализации, усилили фрагментацию в международном разделении труда, ускорили начавшийся в период пандемии тренд на рост популистских настроений и возврат национализма как политической идеологии. Для России, несмотря на преференции текущей конъюнктуры в виде повышения курса рубля и повышения цен на энергоносители, ситуация остается турбулентной. Страна оказалась изолированной от финансовых институтов и технологий, от научной и культурной коммуникации, нанесен ущерб по ее транспортной и телекоммуникационной инфраструктуре. В этих условиях государство устами Дмитрия Пескова, спецпредставителя Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития, заговорило о технологическом суверенитете страны¹.

¹ Дмитрий Песков. Остров Россия. Спецпредставитель Президента о новой цифровой стратегии // РБК, 9 июня 2022. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207>

Немаловажно, что Сибирь, оставаясь источником энергетических ресурсов и жизненно необходимого для климатической устойчивости биоразнообразия, транспортным перекрестком Евразии, сельскохозяйственной житницей и одной из ее индустриальных кузниц, является макрорегионом, население которого имеет высокий индекс человеческого развития. Драйверы человеческого развития — промышленность, наука и образование — сосредоточены в крупных сибирских центрах: Новосибирске, Томске, Омске, Красноярске, Барнауле, Иркутске, Улан-Удэ и др. Третья из «евразийских интермедий», позднесоветская, состоявшаяся благодаря «оттепели» середины XX в., позволила сформировать здесь академическую и образовательную, инновационные по своей сути инфраструктуры. В настоящее время сибирский макрорегион обладает всеми функциями второго ядра внутренней геополитической системы России.

Свидетельством следующей возможной «евразийской интермедии» можно считать возвращение России в Арктику. Арктика становится не просто стратегическим регионом, в котором Россия обозначает свое военное присутствие. Прежде всего речь идет об энергетических, инфраструктурных и транспортных проектах развития Северного морского пути и поселений на его маршруте. Северные проекты — это также развитие новых технологий, появление новых рабочих мест и предпосылок для социального развития циркумполярных регионов, благополучия граждан, связанных с Севером своим образом жизни.

В свете смены целевых ориентиров внешней и внутренней геополитики вновь остро на повестке дня возникает вопрос о нивелировании региональных диспропорций развития. Мобилизационный сценарий модернизации, на который текущая ситуация вновь вынуждает пойти Россию, чреват усилением сверхцентрализации, а значит, и возможными рисками в будущем: неравномерным развитием территорий, растущей социальной дифференциацией, поляризацией населения. Это означает, что пренебрежение инновационной стороной модернизации может повлечь за собой утрату всех тех достижений в сфере инфраструктуры и качества жизни, которых удалось добиться в постсоветские десятилетия. В этих условиях задачи, поставленные в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г., должны находиться в центре внимания власти и общества для того, чтобы инновационная составляющая социокультурной трансформации не оказалась полностью подчиненной иным задачам.

Данная статья имеет целью показать ключевую роль сибирского макрорегиона в достижении технологического (научно-производственного), кадрового (образовательного) и гуманитарного суверенитета. Последний достигается не только мерами государственного управления, но и сложившимся в обществе консенсусом по поводу культурных образцов, ценностных ориентаций, приемлемого стиля жизни. От этого в значительной мере зависят бизнес-стратегии и предпринимательские практики, особенно ориентированные на высокотехнологичный бизнес. Таким образом, в текущей ситуации не только успехи модернизации армии и флота, выгоды от дешевой энергии и продовольствия, развитая система государственных и финансовых услуг должны быть масштабированы в текущие ин-

вестиционные проекты. Ведущими долгосрочными факторами преодоления геополитических рисков, влияющих на стабильное развитие российского общества и качественную трансформацию его институтов, являются гармонизация мобилизационной и инновационной составляющих модернизации и успех интеграционных проектов на евразийском пространстве. «Поворот на Восток», а именно к внутреннему геополитическому пространству России, требует переоценки сибирского макрорегиона со стороны политических и интеллектуальных элит.

Основные результаты исследования

В контексте задачи достижения технологического суверенитета трудно переоценить роль региональной науки. Повышение ее престижа требует пересмотра целевых показателей доли ВВП, выделяемой государством на научные исследования, в сторону их существенного увеличения. В условиях сокращающихся возможностей бюджетного финансирования науки и образования именно региональные центры в силу не всегда прозрачных процедур принятия решений оказываются отрезанными от него. Низкая оценка региональных и отраслевых научных организаций и вузовских структур на основе предложенных Министерством образования и науки РФ рейтинговых показателей существенно сокращает их конкурентные возможности на академическом рынке. Однако именно такие структуры нередко являются центрами академической науки в своих регионах, к тому же работающими на реализацию текущих прикладных задач. Программа-минимум развития региональной науки требует изменения существующих практик управления наукой со стороны государства, в том числе выделения финансирования региональных отделений РАН отдельной строкой в федеральном бюджете, отмены категоричности для научных организаций и обеспечения доступа ученым к грантовой поддержке.

Программа-максимум же для достижения поставленных задач нуждается в механизмах совершенствования частно-государственного партнерства, позволяющих направить интересы бизнес-сообщества в сферу наукоемкого производства. Для того чтобы частный бизнес стал воспринимать серьезно результаты научных исследований, государству необходимо создавать регуляторные стимулы, усиливающие востребованность результатов научно-исследовательских разработок.

В отношении перспектив сибирской науки и ее флагмана, Сибирского отделения РАН, следует вспомнить обсуждение в 2018 г. проекта «Академгородок 2.0», цель которого заключалась в развитии территорий с высокой концентрацией инноваций. Как мы и предполагали ранее, этот амбициозный план комплексного развития территорий не получил доступных механизмов реализации. Его кластеры, такие, например, как СКИФ, стали частями отдельных проектов. Безусловным достижением проекта является обновление материально-технической базы исследований институтов Сибирского отделения РАН. Однако декларируемая задача формирования на базе Новосибирского научного центра междисциплинарных исследовательских структур мирового уровня не была достигнута. Одна из очевидных причин возникших трудностей видится нам в отсутствии обратной

связи с научными организациями. Между тем только академические институты и университеты обладают необходимыми для достижения технологического суверенитета компетенциями (Ерохина, 2020).

Наука, образование и бизнес — это не только технологический и кадровый суверенитет. Как отмечает спецпредставитель Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Дмитрий Песков, сегодня в мире нет ни одной страны, которая достигла бы технологического суверенитета. В условиях современного капиталистического хозяйства это слишком дорого, а потому не выгодно. Однако перезагрузка технологических рынков, релокация критически важных производств и национализация технических стандартов уже сегодня делают деглобализацию реальностью. Давая определение технологического суверенитета как способности производить средства производства, Песков подчеркивает роль так называемых инженерных корпораций, институтов, нацеленных на создание собственных рынков и получение конечного продукта¹.

Примечательно, что одним из самых реальных сценариев его достижения оказывается так называемая «островизация», концепт, возвращающий нас к наследию В. Л. Цымбурского. Так же как у Цымбурского, у Пескова «островизация» не равнозначна изоляции. Напротив, это обладание неким «обменным фондом», который позволит создавать цепочки ценностей. Ключевым условием достижения технологического суверенитета является суверенитет когнитивный, обладание собственными смыслами развития и способностью конструировать тот образ будущего, который видится желательным².

Представляется, что внедренное Песковым в инновационный дискурс понятие когнитивного суверенитета не может серьезно обсуждаться вне достижения суверенитета гуманитарного. Это означает, что сама Россия, уровень ее технологического развития и образования, жизненные стили и практики социального поведения ее граждан должны вернуть привлекательность как для ее ближних соседей, так и для самих россиян.

Геополитика представляет собой не только военную силу и экономическую мощь, которую можно оценить в объективных количественных показателях. Это еще и социальные представления, связанные с текущим и желаемым образами пространства и людей, его населяющих, это конструирование пространства и проектирование его социальных характеристик. Это означает, что «поворот на Восток» требует пересмотра не только внутренней повестки, но и отношений с ближайшими соседями.

Ближайшее окружение России — постсоветские независимые государства Центральной Азии и Закавказья, с которыми Россия делит общий евразийский дом. Это огромный рынок и множество ресурсов для построения желаемого будущего: сырьевых, финансовых, человеческих. На протяжении многих столетий

¹ Спецпредставитель Президента назвал технологический суверенитет условием выживания стран // ТАСС, 23 мая 2022. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/14705309>

² Дмитрий Песков. Почему для России важен технологический суверенитет // РБК. Газета, № 077. 10 июня 2022. <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207>

образ России как «недоевропейской» страны довлеет в сознании западных элит, что стало препятствием для конвергенции России в социокультурное пространство Европы. Россия сегодня должна избежать подобной ошибки по отношению к постсоветским странам, перенося на них аналогичный образ, несущий негативные колониальные коннотации. Это означает, что ей предстоит выстраивать отношения с этими странами как принципиально партнерские, а не патерналистские.

В силу сложившейся демографической структуры немногочисленный внутренний рынок страны со 142-миллионным населением не может создать значительных стимулов экономического развития. Однако вместе с рынками ближайших соседей по СНГ и ЕвразЭС такая возможность становится реальной. Для этого необходимы пересмотр отношений со странами ближнего зарубежья, укрепление сложившихся интеграционных связей и формирование новых. В этой связи роль Сибири как пространства взаимодействия народов Евразии и модельной территории развития интеграционных структур партнерства с соседями должна быть осознана должным образом.

Сибирь — территория взаимодействия славянских, тюркских, монгольских, финно-угорских и множества других народов, вступивших в цивилизационный синтез, результатом которого стало появление российской цивилизации, геополитического «острова», который связан в концепции В.Л. Цымбурского с территориями-лимитрофами, населенными народами Евразии. Этногенез народов Сибири и стран Центральной Азии удивительным образом переплетен историей войн и миграций, вхождения в состав разнообразных политических образований, влиянием религиозных традиций, сходными практиками обретения материальных ресурсов и статусных позиций, принципами включения и исключения в этнолокальные сообщества. Вместе с тем тяготение народов Евразии одновременно к двум мирам, к миру русскому и к миру одной из соседних цивилизаций, неважно, по религиозному, языковому или географическому признаку, позволяет этим народам получать преимущества в развитии, пользуясь достижениями своих соседей и не опасаясь поглощения с их стороны.

Примером обществ, обладающих таким преимуществом, можно считать современные Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Монголию и другие динамично развивающиеся страны. Используя промежуточное положение между Россией и Китаем, Россией и Турцией, Россией и Ираном, эти общества получают очевидные выгоды от стабильных отношений РФ с крупными региональными державами. И, напротив, конфликт России с Европой вокруг Украины приводит государства стран лимитрофа к поляризации, которую сегодня можно наблюдать в Грузии, Армении, Молдове. Можно также отметить, что антироссийская риторика стран Прибалтики сегодня также обусловлена страхами проевропейских элит этих стран перед конфликтом между гражданами и негражданами, преимущественно русскоязычными.

России такое соседство дает не только выход на пространства иных цивилизаций. Это дает ей многообразие культур, формирующих ее внутреннее социокультурное пространство, и богатство экономических, политических,

культурных практик. Из этого вытекает необходимость межгосударственного сотрудничества со странами ближнего и дальнего зарубежья, корректной конкуренции с теми проектами, которые являются альтернативами инициатив России по развитию Большой Евразии.

Необходимо отметить, что текущая геополитическая конъюнктура содействует укреплению евразийских структур интеграции. Так, по данным аналитической службы аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza в период с апреля по июнь 2022 г. в РФ прибыло рекордное за 6 лет число трудовых мигрантов, 3,12 млн иностранных граждан. Этому в немалой степени способствовали восстановление допандемийных условий труда и укрепление курса рубля¹.

Многие иностранцы имеют родственников среди российских граждан либо сами стремятся приобрести российское гражданство. Согласно данным МВД, за первый квартал текущего года российское гражданство получили 137,7 тыс. граждан стран ближнего зарубежья. Из них 39,6% — выходцы из Украины, 23,9% — Таджикистана, 8% — Казахстана, 4,7% — Узбекистана, 3,6% — Киргизии².

Инструментами «мягкой силы» являются российские университеты. России крайне выгодно оставаться центром притяжения не только рабочей силы, но и образцом для инноваций в странах ближнего зарубежья, источником влияния, арбитром в спорах между ними. Граждане РФ живут практически повсеместно на постсоветском пространстве либо связаны родственными связями с гражданами новых независимых государств, что открывает перспективы для народной дипломатии. Важным шагом в развитии отношений с ними является, например, открытие консульств МИД РФ в Самарканде (Узбекистан), Гродно (Беларусь), Актау (Казахстан) в июле 2022 г.³

Отдельно стоит выделить движение капиталов и развитие транспортно-логистической инфраструктуры Большой Евразии. По данным центральных банков стран СНГ в Армении, Грузии и Узбекистане 2022 год стал рекордным по поступлениям финансовых средств из России, установив исторический максимум. И если в Закавказье деньги привлекли мигранты из России, то в Центральной Азии это стало возможным благодаря открытию россиянами счетов в банках Узбекистана и Казахстана⁴.

Новый импульс получило развитие транспортных маршрутов Большой Евразии. Широкую известность в последние годы приобрел международный проект, инициированный Китаем, известный как «Один пояс — один путь». На этом фоне малоизвестными остаются альтернативные ему проекты. Например, на междуна-

¹ В РФ во втором квартале 2022 въехало рекордное за шесть лет число трудовых мигрантов // ТАСС, 8 августа 2022. <https://tass.ru/obschestvo/15417683>

² Граждане Украины и Таджикистана чаще других получали гражданство РФ в 2022 году // Российская газета, 16 апреля 2022. <https://rg.ru/2022/04/16/grazhdane-ukrainy-i-tadzhikistana-chashche-drugih-poluchali-grazhdanstvo-rf-v-2022-godu.html>

³ Россия открывает новые представительства в Средней Азии // Ближние, 27 июля 2022. <https://t.me/blizhnie/392>

⁴ Денежные переводы в страны СНГ и Грузию // Ближние, 27 июля 2022. <https://t.me/sputniklive/42834>

родной конференции по Афганистану, которая прошла в Ташкенте в июле 2022 г., Узбекистан анонсировал международный транспортный проект по железнодорожному маршруту Термез — Мазари-Шериф — Кабул — Пешавар с последующим выходом к портам Индийского океана. Хотя Узбекистан и не является членом ЕвразЭС, тем не менее сотрудничество с этой страной позволяет пополнить на более чем на 30 млн чел. общий рынок России со странами Евразии. Правда, еще многое предстоит сделать для обеспечения стабильности и безопасного развития Афганистана.

Из тех проектов, что будут запущены уже в августе 2022 г., заслуживает внимания паромная переправа Поти (Грузия) — Кавказ (Россия). Она позволит наладить транспортное сообщение не только с Грузией, но через нее и с Арменией. Успехом можно считать и появление транспортного коридора из России в Индию через Каспий. Так, в июле 2022 г. в Иран прибыл первый контейнерный поезд из России, направляющийся в Индию. По пути он пересек Казахстан, Туркмению и далее по территории Ирана продолжил путь до порта на Аравийском море. Там контейнеры были перегружены на корабль, который отправился в Мумбаи. Не за горами открытие западной ветви аналогичного железнодорожного маршрута, который проляжет через Астрахань, а затем по Каспию до Ирана, где поездом или автотранспортом грузы из России будут доставлены до портов Индийского океана. Из Ирана открывается морской путь не только в Индию, но и в страны Персидского залива, в Африку, в страны Южной и Юго-Восточной Азии.

Своими преимуществами в этой состязательности обладает азиатская часть России. Во-первых, следует отметить два уже существующих международных широтных коридора — морской (Северный морской путь) и сухопутный (Транссиб), связывающие Балто-Черноморское междуморье с Северной Евразией и далее портами Тихого океана. В ближайшее время система автомобильных дорог России пополнится Северным широтным коридором, который свяжет европейскую часть России с Западной Сибирью по северной ветке, проходящей через Пермский край, Тюменскую область и Югру с выходом на Томск. В дополнение к уже существующей сети автомобильных дорог она позволит существенно сократить время в пути из Европейской России на Дальний Восток. Кроме того, доступным станет транспортное сообщение для жителей отдаленных населенных пунктов Обского Севера.

Во-вторых, следует упомянуть азиатскую транспортную сеть, связывающую Сибирь со странами Центральной Азии. Западная ветвь из Новосибирской области через Казахстан и Китай выходит на пакистанский порт Карачи в Индийском океане. Восточная ветвь также из Новосибирска соединяет Россию с Монголией. Федеральные автомобильные маршруты «Байкал» и «Амур» с выходами на границы с Монголией и Китаем обеспечивают связь Восточной Сибири и Дальнего Востока с государствами Центральной и Юго-Восточной Азии.

Эти маршруты открывают новые возможности для решения критических вопросов в сфере параллельного импорта, появления новых логистических цепочек, новых банковских услуг. Однако текущая повестка требует мыслить на десятилетия вперед.

Выступая на пленарном заседании Евразийского экономического форума 26 мая 2022 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин озвучил идею Большого Евразийского партнерства как цивилизационного проекта. Идея проекта «Большой Евразии» возникла еще в допандемийную эпоху (Глазьев, 2019: 19). Однако в текущих условиях у нее не осталось альтернатив. Главные цели проекта — экономическая интеграция и безопасность — привлекательны не только для России и ее ближайших соседей, но для всех стран Евразии, в том числе тех, кто в настоящее время по разным причинам избегает или отказывается сотрудничать с Россией.

По заявлению Алексея Дробинина, руководителя департамента внешнеполитического планирования МИД РФ, проект «Большой Евразии» представляет собой «сопряжение интеграционных проектов, национальных стратегий развития, производственно-логистических цепочек и транспортно-энергетических коридоров»¹. Этот основной стратегический проект для России, в пользу которого высказались лидеры стран Евразийского экономического союза, получил поддержку членов БРИКС — Индии и Китая, а также других стран. Интерес к нему проявили некоторые члены ШОС и АСЕАН².

Выводы

Таким образом, Россия, как сказал бы В.Л. Цымбурский, на пороге новой «евразийской интермедии». «Поворот на Восток» в условиях усиления мобилизационной составляющей модернизации обусловлен геополитическими изменениями, аналогичными тем, что произошли после окончания Крымской войны, Первой мировой войны, в разгар «холодной войны». Каждый раз эти изменения приводили не только к появлению новых функций сибирского макрорегиона в структуре внутренней геополитики России, но и к переосмыслению российскими элитами ее роли в масштабах Евразии. В текущих условиях важно, чтобы заработали низовые инициативы, «вторая промышленность», по определению спецпредставителя Президента РФ Д. Пескова, «с опорой не на министерства и корпорации, а непосредственно на команды разработчиков, на средние технологические компании и на университеты... институты, которые нацелены на производство конечного продукта и создание рынка, а не на немедленное извлечение акционерной стоимости. Сущность, отсутствующая у нас в стране, но без нее технологический суверенитет недостижим»³. Он недостижим и без отказа от патерналистского взгляда на ближнее зарубежье как пояс зависимых от России стран. Повышение статуса Сибири в пространстве внутренней геополитики России оказывается, таким образом, составной частью рефлексии «поворота на Восток».

¹ Алексей Дробинин. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // Международная жизнь, 3 августа 2022. L: <https://interaffairs.ru/news/show/36410>

² Путин заявил, что Большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // ТАСС, 26 мая 2022. https://tass.ru/ekonomika/14737439?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

³ Дмитрий Песков. Почему для России важен технологический суверенитет. РБК. Газета, № 077. 10 июня 2022. <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Глазьев С. Ю. Большое евразийское партнерство: создавая новый мир // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1 (27). С. 18–20.
- Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России : монография. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2012. 418 с.
- Ерохина Е. А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. С. 106–118.
- Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
- Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года (2019) // Правительство России. 14 февраля. URL: <http://government.ru/docs/35733> (дата обращения: 16.07.2022).
- Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. Сибирский краеведческий выпуск. 1995. Вып. 6. С. 84–98.
- Приходько Н. Н. Фронтальная теория в геополитике на востоке России // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 98–102.
- Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов : монография. Новосибирск : Сова, 2005. 196 с.
- Ремнев А. В. Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX — начала XX века // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 184–203.
- Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века : монография. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.
- Цымбурский В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис: Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–53.
- Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 141–175.
- Эткинд А. М., Уффельманн Д., Кукулин И. В. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 31–56.
- Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Наука, 1989. Т. 5. С. 21–28.

REFERENCES

- Glazyev, S. Yu. (2019). A Great Eurasian Partnership: Building a New World. *Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics*, 1, 11–17. (In Russ.).
- Erokhina, E. A. (2012). *Siberian Vector of Russia's Internal Geopolitics : monograph*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (In Russ.).
- Erokhina, E. A. (2020). Is There a Future for the Silicon Taiga? Prospects and Risks

of the Project «Academgorodok 2.0». *Sociology of Science and Technology*, 3, 106–118. (In Russ.).

Zamyatina, N. Yu. (1998). Settlement Zone (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 75–89. (In Russ.).

On adopting the Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2025 (2019) *Pravitel'stvo Rossii, February 14*. URL: <http://government.ru/docs/35733> (In Russ.).

Potanin, G. N. (1995). Regional trend in Siberia. *Fatherland. Local history almanac. Siberian local history issue*, 6, 84–98. (In Russ.).

Prihodko, N. N. (2007). Frontier Theory in Geopolitics in the East of Russia. *Tomsk State University Journal*, 298, 98–102. (In Russ.).

Rezun, D. Ya., Shilovskiy, M. V. (2005). *Siberia, late 16th — early 20th centuries: Frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes: monograph*. Novosibirsk: Sova. (In Russ.).

Remnev, A. V. (2011). Internal Geopolitics of Asian Russia in the late 19th — early 20th century. In: *Demographic space of Asia: History, Modernity, Future Hypotheses* (pp. 184–203). Novosibirsk: Parallel. (In Russ.).

Rodigina, N. N. (2006). «Another Russia»: the Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the second half of the 19th — early 20th centuries: monograph. Novosibirsk: NGPU. (In Russ.).

Tsyburskiy, V. L. (1993). Island Russia. Prospects for Russian Geopolitics. *Polis: Political Studies*, 5, 6–53. (In Russ.).

Tsyburskiy, V. L. (1999). Geopolitics for the «Eurasian Atlantis». *Pro et Contra*, 4(4), 141–175. (In Russ.).

Etkind, A. M., Uffelmann, D., Kukulkin, I. V. (2013). Internal Colonization of Russia: between Practice and Imagination. *Political Conceptology*, 2, 31–56. (In Russ.).

Yadrintsev, N. M. (1989). Siberia in the Face of Russian Literature. *Literary Heritage of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. Vol. 5, 21–28. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Анатольевна Ерохина — д-р филос. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия.

Elena A. Erokhina — Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Social and Law Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 14.08.2022;
одобрена после рецензирования 23.08.2022;
принята к публикации 28.08.2022.

The article was submitted 14.08.2022;
approved after reviewing 23.08.2022;
accepted for publication 28.08.2022.